

коммуникации, нередко в состоянии релаксации. Такой диалог представляет собой диалог-унисон, связанный с личностно-бытовой тематикой.

В настоящее время одним из приоритетных направлений функционально-коммуникативной стилистики текста является исследование функциональной природы языка юмора, в рамках которой можно изучить ее функционально-дискурсивные особенности. Юмористический текст уникален в том смысле, что он обладает широким коммуникативно-функциональным спектром, куда входят также следующие функции: развлекательная, критическая, аттрактивная, переключательная, функция детабуизации, маскировочная, терапевтическая [см. подр. б, с. 60].

В целом, юмористический интрадискурс можно отнести к эмоциональному типу, который выражается в «диалогизированном унисоне», имеющем динамический аспект выраженности в речевом обмене.

Специфика юмористической коммуникативной тональности состоит в привязывании шутки к ситуации. А. В. Карасик отмечает, что англичане, в основном, готовы увидеть комизм ситуации в реальном общении. В английской культуре приветствуется стремление развеселить собеседника неожиданным финалом анекдота, который часто рассказывается с серьезным выражением лица [4]. Хотя в последнее время можно увидеть множество примеров употребления шутки вне ситуативного контекста (примером служат многочисленные англоязычные сайты шуток в Интернете).

Варианты воплощения творческого подхода к языку реализуются в разнообразных формах: чаще всего, по нашему мнению, они являют собой разные реализации речевого жанра «шутка».

Таким образом, будучи результатом нестандартного, творческого подхода к языку, речевой жанр шутки представляется особым речевым жанром, который совершается в ходе реализации адресантом установки на комический эффект.

Литература

1. Аристов С. А., Сусов И. П. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс // file: /Мои документы / C: \ \ ht. 13.09.03.
2. Голод В. И., Шахнарович А. М. Коммуникативные и когнитивные аспекты текста как единицы речевой деятельности // Коммуникативные единицы языка. – Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – Вып. 252. – 1985.
3. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 144-153.
4. Карасик А. В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 21 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг. Личность. Концепты. Дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
6. Омельченко Л. Ф., Паповянц Э. Г., Самохина (Дмитренко) В. А. Юмористический текст как функциональная система // Культура народов Причерноморья. – Науч. журнал. – № 82. – Т. 2. – 2006. – С. 59-61.
7. Положин М. М. Напрями та одиниці прагматичного аналізу мовленнєвої комунікації // Проблеми романо-германської філології. – Зб. наук. праць. – Ужгород: Патент, 2003. – С. 6-19.
8. Положин М. М. Про теоретичні засади когнітивного підходу до дискурсивного аналізу // Studia Germanica et Romanica: Іноз. мови. Зарубіжна література. Методика викладання: Наук. журнал / Ред. кол. В. Д. Каліушенко (Гол.ред.) та ін. – Донецьк: ДонУ, 2004. – Т. 1. – № 3. – С. 32-41.
9. Шурина Ю. В. Шутка как речевой жанр. – Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1997. – 155 с.
10. Leech G.N. Principles of pragmatics. – London: Longman, 1983 – 250 p.
11. Linde C. Linguistic consequences of complex social structures: rank and task in police helicopter discourse // Berkeley Linguistic Society. Proceedings of the 14th Annual Meeting/ – Berkeley (Cal.), 1988. – P. 142-152.
12. 5600 jokes for all occasions / by Mildred Meiers and Jack Knapp. – Wings Books, NY, 1980. – 605 p.

Саркисова В. В.

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА СЛОВА И СОДЕРЖАНИЯ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО КОНЦЕПТА В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНИМАЛИЗМОВ)

Заговор в устном творчестве разных народов – это словесная формула, якобы имеющая магическую силу. Первоначально заговоры были связаны, прежде всего, с магическим действием, позже функцию воздействия приобрела сама словесная формула [1, с. 273], которую мы определяем как магема.

Объектом внимания исследователей заговор стал с XIX в. (А. Н. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, А. А. Ветухов, Е. Н. Елеонская, В. Ф. Миллер, А. А. Шахматов, А. А. Астахова, Н. Ф. Познанский и др.). Тогда же появились первые классификации такого рода текстов, определяемых как заговоры-обращения, заговоры-моления, заговоры-описания ритуальных действий и так называемые эпические заговоры [1, с. 275].

Тематически заговоры весьма разнообразны: известны охотничьи, рыбацкие, пастушеские, земледельческие, торговые заговоры, а также заговоры, применявшиеся для воздействия на представителей власти, на неправедных людей и т. д. Большую группу составляют так называемые лечебные заговоры: от зубной боли, от лихорадки, змеиного укуса и т. д. Известны многочисленные любовные заговоры-присушки и отсухи. Подобные магические заклинания представлены в культурах всех народов мира. Широко распространены они были и в Древней Руси. Поскольку в них отразились различные стороны хозяйственной, общественной и духовной жизни народа, они имеют большую историческую ценность. Русские заговоры являются в основном языческими магическими заклинаниями, однако несут в себе и элементы христианского культа. Поэтичность и выразительность заговоров, богатство языка, ритма и художественных средств дают основание рассматривать их как одно из явлений народного искусства слова.

В настоящем исследовании анализируется семантическая структура анимализмов, выполняющих в заговорах волонтерную функцию, с целью определить, какие именно семантические признаки, коррелирующие с содержанием соответствующего концепта, актуализируются в магемах.

Объект исследования – названия домашних животных (крупных парнокопытных).

Одно из домашних животных, задействованных в сельском хозяйстве, – лошадь. В языковом сознании русскоязычного человека есть некое представление, понятие об этом животном. Исходя из того, что содержанием понятия является концепт [2, с. 454], можно говорить о концепте «лошадь», который репрезентируется и в заговорных текстах. Концепт принято считать единицей описания картины мира в когнитивной лингвистике. Т. И. Плужникова отмечает, что «при системно-языковом подходе ... надо учитывать, что

минимальной единицей значения лексемы является сема, а у концепта, репрезентированного на языковом уровне этой лексемой, – квант смысла. Концепт обладает набором смыслов, а слово-набором семантических признаков, задача же исследователя состоит в том, чтобы найти соответствия или несоответствия между ними. Лексическое значение – это значение слова, которое определенным образом лишь соотносится с концептуальной сферой, а не относится к ней» [3, с. 83].

Слово *лошадь* в русском языке используется как родовое название этого вида животных безотносительно к половому признаку (говорят: *в хозяйстве у него лошади, коровы, овцы*, хотя при этом могут быть и бараны, быки и т. д.). «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова (БТС) определяет *лошадь* как «1. Крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п.» [2, 506]. В производно-номинативном значении «2. *Разг.-сниж.* О ком-л., обладающем какими-л. качествами, свойственными такому животному (силой, работоспособностью и т. п.) [там же] в заговорах это слово не используется.

Компонентный анализ семантической структуры слова на основе словарной дефиниции позволяет выделить семы: 'животное', 'крупное', 'домашнее', 'для перевозки людей', 'для перевозки грузов'.

Сведения о соответствующем концепте можно почерпнуть из энциклопедических источников. В «Большой советской энциклопедии» (БСЭ) в статье *лошади* отмечено: «род непарнокопытных животных сем. лошадиных. Крупные, стройные животные, приспособленные к быстрому бегу по плотному грунту» [4, т. 15, с. 38]. Лошадь используется в качестве рабочего животного, а также как продуктивное животное, дающее мясо и молоко. БСЭ отмечает также, что лошадь обладает высокой работоспособностью и выносливостью. Эта информация дает возможность выделить такие кванты смысла, как 'животное', 'непарнокопытное', 'крупное', 'стройное', 'быстрый бег', 'используется для работы', 'источник мяса', 'источник молока', 'выносливое'.

В текстах заговоров лексема *лошадь* характеризуется невысокой частотностью, реализуется в объеме концепта, репрезентированного, прежде всего, квантом смысла (КС) 'используется для работы': *Как лошадь труд знала, так и ты, раб (имя), знай труд и люби его. Аминь.* [5, вып. 1, с. 131].

В слове *лошадь* может актуализироваться и имплицитная сема 'самка' → 'мать': *Как мать не боится своего младенца, кошка – котенка, лошадь – жеребенка, капля воды – океана, земля – песку с острова Буяна, так раб Б. (имя) ничего не будет бояться* [5, вып. 1 с. 35]. Эта сема, занимая ядерное положение, стремится к экспликации и получает материальное выражение в корневой морфеме слова *кобыла* – «1. Самка лошади» [2, с. 435]: *Плачет кобыла по жеребятам, овца по ягнятам, плачет всяк по своему дитяти* [5, вып. 1, с. 42]. В речи у этого слова развивается переносное значение, в котором оно в заговорах не используется: «2. *Разг.-сниж.* О рослой здоровой молодой женщине, девушке» [2, с. 435].

Разнокорневой родовой парой этого слова является лексема *жеребец* – «1. Самец лошади» [2, с. 435]. «Словарь...» С. И. Ожегова уточняет: «самец лошади, достигший половой зрелости» [6, с. 186]. Такая конкретизация семантической структуры слова объясняет его переносное употребление в значениях (последовательно): «|| *Разг.-сниж.* О молодом мужчине (обычно рослом и сильным). || *Разг.-сниж.* О мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности» [2, с. 303]. Ни в одном из них слово *жеребец* в заговорах не употребляется, однако семантический признак 'способность к производству потомства' является актуальным и дифференциальным при сопоставлении со словом *мерин* – «кастрированный жеребец» [2, с. 534]. И именно поэтому данная лексема используется в заговорах против полового бессилия: *Я не мерин, а жеребец* [5, вып. 2, с. 18] – и наоборот, чтобы скорректировать половое влечение мужчины, например, заговор на пот мерина, чтоб муж не гулял: *Как мерину к кобылице не ходить, в поле вольно не бродить, Так и рабу (имя) возле жены (имя) быть* [5, вып. 6, с. 101]; *Как мерин старый кобыл не видит, ржанья их не слышит, по степи их не гоняет, ни одну кобылу не огуляет, так и ты, раб (имя), ни с кем не гуляй* [5, вып. 7, с. 84]; *У мерина меринастого не стоит жила станаемая ни на одну кобылицу, ни на вороную, ни на гнедую. От ведуна проворного, от ножа булатного, так чтоб у раба (имя) не стояла жила станаемая, тело белое. Ни на одну рабу, кроме меня. Ни на темную, ни на светлую, ни на умную, ни на лоскутную, ни на ветреную, ни на встречную. Отныне и до века. Во веки веков. Аминь* [5, вып. 2, с. 31].

Кастрированный жеребец в магемах представлен как второсортное животное, на которое можно перевести порчу: *Глаза портят, язык портят. Не камень от алтаря, не рабу (имя), меня, а мерина-коня, сухую траву, арбузную голову и старую трубу. А я делом оградилась, словом отмолилась, от зависти умылась. Береженная Господом, с двенадцати бережков. Богородица, сохрани. Аминь. Аминь. Аминь* [5, вып. 3, с. 43].

В приведенном примере *мерин* является приложением к слову *конь* – одному из наиболее частотных в текстах заговоров. В языке оно имеет более узкую сферу употребления, чем у слова *лошадь*, но соответствует ему: «1. В речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи: лошадь (обычно о самце)» [2, с. 534]. В данном случае грамматический род отражает половую принадлежность животного. Не случайно, по данным «Словаря символов», конь – это символ солнца и одновременно потустороннего мира; циклического развития мира; неустойчивых страстей и инстинктов; интуитивного познания, *мужского начала* [7, с. 114].

При употреблении именно этого слова актуализируется квант смысла 'быстрый бег': *Мертвый конь не поскачет* [5, вып. 5, с. 27]; *Конь топал, холкой хлопал. Конь бежал, с холки забрал. И кожей, и телом, и моим заговорным делом. Аминь. Аминь. Аминь* [5, вып. 3, с. 18].

Одним из приемов в заговорных текстах является сопоставление того или иного действия, свойства, признака у разных предметов (при этом оба могут быть одушевленными, оба неодушевленными, один одушевленный – второй нет). Словарная дефиниция не позволяет выделить в словах *лошадь, конь* и других того же ряда семантический признак 'издаваемые звуки', но он мыслится как имплицитный у всех слов с предметной семантикой, особенно если присутствует и сема 'живой'. Указанный семантический признак в словах рассматриваемого ряда реализуется в семех 'ржание', 'фыркание', 'храп'. Человек издает большее количество звуков, которые так или иначе соотносятся с указанными (например, у слова *ржание* переносное значение

«2. *Разг.-сниж.* Громкий несдержанный хохот» [2, с. 1122]). Слово *храп* в прямом номинативном значении – это «1. Хриплые, сопящие звуки, издаваемые спящим» [2, с. 1453], в номинативно-производном – «2. Звуки, напоминающие хриплое сопение (о лошадях)» [там же]. Сходство издаваемых звуков используется в магемах, например, для заговора храпа во сне: *Храпи, храпун, храпака, не храпи сия глотка. Храпи конь во поле, во широком раздолье, забери храп с раба Божьего* (имя). *Аминь* [5, вып. 1, с. 59].

В заговорах упоминается еще одно домашнее животное семейства лошадиных – мул. *Мул* – это «помесь осла с кобылой» [2, с. 563]. Такие животные не способны давать потомство. Именно этот семантический признак – ‘неспособность к продлению рода’ – актуализируется в заговорах, в частности, от мокнущего лишая, вокруг которого чертят мизинцем и говорят: *Мул не родит, камень не дает шерсти. Точно так же не разрастись лишаяю, а засохнуть. Аминь* [5, вып. 1, с. 145].

Следующая по частоте употребления в заговорах лексема *корова*. В языке функционируют ее три лексико-семантических варианта: «1. Крупное домашнее молочное животное, самка быка. 2. Самка некоторых пород крупных рогатых животных (лося, оленя и т. п.). 3. *Разг.-сниж.* О толстой, неуклюжей, неповоротливой или неумной женщине [2, с. 458]. «Коровы используются для воспроизводства стада крупного рогатого скота и получения молочной и мясной продукции [4, т. 13, с. 195]. Отличаются неприхотливостью и хорошей приспособляемостью к условиям содержания» [4, т. 13, с. 499].

На основе дефиниции толкового словаря выделяем следующие семантические признаки слова *корова* в прямом значении (остальные в магемах не используются): ‘животное’, ‘домашнее’, ‘крупное’, ‘самка’, ‘бык’, ‘дает молоко’, ‘дает мясо’. Внеязыковые знания о животном позволяют выделить кванты смысла: ‘неприхотливое’, ‘ленивое’, ‘неповоротливое’, ‘рогатое’. Совершенно очевидно, что КС ‘рогатое’ предполагает такую же сему в слове *корова* (ЛСВ₁) (она представлена в ЛСВ₂ и в дефинициях других толковых словарей, например, в «Словаре...» Ушакова). Обращает на себя внимание отсутствие в словарных толкованиях признака ‘жвачное’, хотя это объективный признак данного животного, который имеет этимологическое обоснование: «По мнению Мехека (KZ 262), связано с первонач. знач. «жвачное», с др.-инд. *cārvati* «разжевывает» [8, т. 2, с. 332].

Корова, как свидетельствует «Словарь символов», считается воплощением Великой Матери; продуктивности силы земли; деторождения; размножения; материнского инстинкта; благосостояния; кормилицы крестьянской семьи [7, с. 125].

В текстах заговоров в основном актуализируется сема ‘дает молоко’: *Как у коровы и козы молочко есть, Так чтоб и у меня, рабы* (имя), *Молоко в грудях было. Аминь* [5, вып. 10, с. 92]; *На лужке том черная корова. Как у той черной буренки молоко в вымени прибывает, Так чтоб были в моем дому и пребывали, Не уходили из дому рабы божьи...* [5, вып. 13, с. 189]; *Корова черная, корова белая, корова бурая, и рябая, мать-кормилица дорогая. Дал тебе Господь белое молоко, а не красное вино. Как тебе вино с вымени не давать, так рабу* (имя) *с этого часа вино не попивать* [5, вып. 2, с. 153].

Лексема *бык*, образующая разнокорневую родовую пару к слову *корова*, в заговорах употребляется тоже только в прямом значении: «1. Домашнее рогатое животное отряда крупных парнокопытных млекопитающих; самец коровы» [2, с. 107], хотя имеет и переносное: «2. *Разг.* О крупном, здоровом, сильном (обычно упрямом) человеке» [там же]. *Быками* называют и «3. Подсемейство крупных жвачных млекопитающих, к которому относятся тур, бизон, зубр и др. [там же]. В БСЭ бык представлен как «бугай, самец крупного рогатого скота, производитель» [4, т. 4, с. 179]. Именно семантический признак ‘способность к продолжению рода’ чаще всего актуализируется в магемах, например, в заговоре на снятие порчи на сперму: *Возьми бычок на свой бочок, На свое дыханье мое мужское страдание* [5, вып. 13, с. 129]. Однако могут быть актуализованы и прагматические признаки, связанные с использованием указанных животных в жизни человека. Например, известно, что нижнюю часть ног коров и быков используют при варке холодца, для чего их предварительно подготавливают: огнем удаляют волосы, ошпаривают и т. д. Это действие переносится на вербальный уровень: (от волос на ногах) *Ноги у быка рубили? Рубили. Озем их палили. Так и рабы* (имя) *ноги без волос. Аминь. Аминь. Аминь.* [5, вып. 3, с. 23].

Таким образом, проанализированные слова в магемах реализуют только прямое номинативное значение и, как правило, ядерную часть своей семантики. В соответствующих концептах выделяются признаки, связанные у самок с материнством, у самцов – со способностью к продолжению рода; безотносительно к половому признаку – к выполнению определенной работы или как источник продуктов питания. Перспективу исследования составляют другие анимализмы рассматриваемой тематической группы.

Литература и использованные источники

1. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М.: Издание книготорг. – М.: Березина, 1880.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
3. Плужникова Т. И. Языковая проекция концепта (к вопросу о терминопотреблении) // Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения. Материалы Международной научной конференции. 6-7 ноября 2006 г. – Ер.: Лингва, 2006. – 125 с.
4. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1976.
5. Степанова Н. Заговоры сибирской целительницы. – Вып. 1-14. – М.: «Рипол классик», 2001.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1983.
7. Словник символів культури України / За загальною редакцією В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренко. – К.: Міленіум, 2002.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Прогресс, 1987.

Примечания

¹ В то же время слово *лошадь* – «помесь жеребца с ослицей» [2, с. 506] – не встречается.